

Атанасу и Вере — с любовью

*Моя особая благодарность
моей помощнице Мэри Ленгфорд
за ее неоценимую помощь*

Пролог

Берлин, Германия

Соня Вербрюгге и не подозревала, что это будет последний день ее жизни. Да и кто бы на ее месте думал о таком?

Поэтому она энергично протискивалась сквозь толпу туристов, наводнивших этим летом и без того оживленные тротуары Унтер-ден-Линден.

Только не паниковать, твердила она себе. *Главное — оставаться спокойной.*

Но как оставаться спокойной, когда на экране компьютера появилось ужасающее сообщение от Франца?

«Беги, Соня! Доберись до отеля «Артемизия». Там ты будешь в безопасности. Пережди, пока не услышишь о...»

Сообщение на этом обрывалось. Почему Франц не закончил его? Что происходит?

Вчера ночью она слышала, как муж говорил кому-то по телефону, что Приму нужно остановить любой ценой. Что это за Прима?

Фрау Вербрюгге приближалась к Бранденбургшештрассе, где находился отель «Артемизия», принимавший на постой исключительно женщин.

Подожду, пока не придет Франц. Надеюсь, он объяснит мне, что все это значит.

Едва Соня Вербрюгге подошла к перекрестку, загорелся красный свет. Соня послушно остановилась у обочины, но тут кто-то из толпы толкнул ее, да так, что она вылетела на мостовую.

Проклятые туристы!

Лимузин, стоявший во втором ряду, неожиданно свернул к Соне и задел ее достаточно сильно, сбив с ног. Вокруг упавшей женщины мгновенно собралась разноязыкая толпа.

— Что с ней?

— Она в порядке?

— Она может встать?

В этот момент проезжавшая мимо машина «скорой» остановилась. Оттуда выскочили два санитары с носилками и поспешили к пострадавшей.

— Мы позаботимся о ней, — заверил тот, что выше.

Соня почувствовала, как ее поднимают и несут к машине. Дверца закрылась. Мотор взревел, и «скорая» умчалась прочь.

Соня попыталась сесть, но обнаружила, что пристегнута к носилкам ремнем.

— Я в порядке, — запротестовала она. — Ничего страшного не случилось. Я...

Один из санитаров наклонился над ней:

— Все хорошо, фрау Вербрюгге. Расслабьтесь, лежите спокойно.

Но вместо того чтобы последовать его совету, Соня, сама не понимая почему, встревожилась:

— Откуда вы знаете мое...

Договорить она не успела. Только почувствовала, как в руку вонзилась острая игла шприца. Еще минута, и она безвольно канула в поджидавшую тьму.

Париж, Франция

Марк Харрис в одиночестве стоял на площадке обозрения Эйфелевой башни, не обращая внимания на внезапно разразившийся ливень. Время от времени зигзаг молнии разбивал дождевые капли на сотни слепящих бриллиантовых водопадиков.

Где-то там, на другом берегу Сены, за туманной мглой, маячили дворец Шайо и площадь Трокадеро, но Марку было не до них. Сейчас он был способен только лихорадочно вспоминать те поразительные новости, которые вот-вот станут известны всему миру.

Обезумевший ветер взвихрил дождевые потоки, бросив в лицо Марку пригоршню воды. Марк, прикрывая запястье свободной рукой, взглянул на часы. Похоже, они запаздывают.

И почему настаивали на встрече здесь в полночь?

Он встревоженно нахмурился, но тут же услышал шорох открывшейся дверцы лифта. Два темных силуэта двинулись к нему, с трудом преодолевая свирепые порывы ветра.

Узнав пришедших, Марк с облегчением вздохнул.

— Вы опоздали.

— Прости, Марк, это все чертова погода.

— Ничего, лучше поздно, чем никогда. По крайней мере вы тут. Совещание в Вашингтоне, надеюсь, состоится?

— Об этом мы и хотели потолковать с тобой. Видишь ли, сегодня утром мы долго обсуждали, как лучше решить эту проблему, и наконец договорились...

Пока первый продолжал объяснять, второй зашел за спину Марка. Дальше события развивались стре-

мительно. Тяжелый тупой предмет врезался в его затылок, и в следующее мгновение он, уже теряя сознание, ощутил, как его поднимают и переваливают через ограду. И он полетел вниз, к твердому, неподатливому асфальту, черневшему тридцатью восьмью этажами ниже, под струями холодного дождя.

Денвер, Колорадо

Гэри Рейнолдс вырос в неприветливом канадском городке Келоуна, недалеко от Ванкувера, и там же изучал летное дело, поэтому привык летать над предательской гористой местностью. Сейчас он управлял «Сессной-ситейшн-II», то и дело настороженно поглядывая на видневшиеся внизу бесчисленные снежные пики.

Кабина пилота была рассчитана на двоих, но сегодня место второго пилота пустовало.

Только не в этом рейсе.

Он представил в аэропорт Кеннеди фальшивый план полета. Никто не подумает искать его в Денвере. Он проведет ночь в доме сестры, а утром отправится на восток, где будут ждать остальные. Все меры по устранению «Примы» приняты, и...

Голос диспетчера ворвался в его мысли:

— «Ситейшн» один-один Лима Фокстрот, это контрольно-диспетчерский пункт международного аэропорта Денвер. Ответьте, пожалуйста.

Гэри Рейнолдс нажал кнопку связи.

— Это «Ситейшн» один-один Лима Фокстрот. Прошу номер посадочной полосы.

— Один Лима Фокстрот, передайте ваши координаты.

— Один Лима Фокстрот, я в пятнадцати милях к северо-востоку от денверского аэропорта. Высота — пятнадцать тысяч футов.

Гэри заметил пик Пайка, выросший справа. Небо было ярко-синим, погода — ясной.

Хороший знак.

После короткой паузы снова раздался голос диспетчера:

— Один Лима Фокстрот, взлетная полоса два-шесть свободна. Повторяю, два-шесть.

— Один Лима Фокстрот, вас понял.

И тут совершенно неожиданно самолет резко дернулся и подскочил, как на невидимой выбоине. Гэри удивленно глянул в окно. Откуда-то налетел резкий ветер, и уже через несколько секунд «сессну», оказавшуюся в зоне турбулентности, стало безжалостно швырять из стороны в сторону. Гэри потянул на себя штурвал, стараясь набрать высоту. Бесплезно. Его закрутило в бешеном водовороте. Самолет потерял управление. Гэри швырнуло на приборную панель. Он сам не понял, как удалось нажать кнопку рации.

— Это один Лима Фокстрот. У меня ЧП.

— Один Лима Фокстрот, объясните подробно, какого именно характера ваше ЧП?

— Я попал в область шквалистого ветра! — заорал Гэри в микрофон. — Опасная турбулентность! Я в самом центре чертова урагана!

— Один Лима Фокстрот, вы всего в четырех с половиной минутах от денверского аэропорта, и на наших экранах нет ни малейшего признака турбулентности.

— Да плевать мне на ваши экраны! Говорю вам... —
Голос пилота перешел в панический визг. — Мэйдей!*
Мэй...

И диспетчер с ужасом увидел, как светлое пятнышко на экране радара погасло.

Манхэттен, Нью-Йорк

На рассвете с полдюжины полицейских в мундирах и детективов в гражданской одежде толпились под Манхэттенским мостом через Ист-Ривер, окружив труп, лежавший у самого края воды. Тело, очевидно, сбросили с моста, так что голова болталась в воде чудовищным поплавком, подвластным капризам прилива.

Старший в группе, детектив Эрл Гринберг из отдела по расследованию убийств полицейского департамента Южного Манхэттена, заканчивал официальные, требуемые законом следственные процедуры. До этой минуты никому не позволяли приблизиться к мертвецу, пока не будут сделаны снимки, а сам Эрл дописывал протокол осмотра места преступления, пока полицейские искали вещественные доказательства. Руки жертвы были обернуты чистыми пластиковыми пакетами.

Карл Уорд, медицинский эксперт, завершил обследование трупа, встал, смахнул прилипший к брюкам сор и повернулся к детективам. Эрл Гринберг считался крепким профессионалом с весьма впечатляющим послужным списком. Второй, Роберт Прегитцер, седовласый, вечно небритый и взъерошенный, стоял с безразличным видом человека, выдавшего и не такое.

---

* М э й д е й — международный сигнал бедствия. — *Примеч. пер.*

— Он в вашем распоряжении целиком и полностью, Эрл, — объявил Уорд Гринбергу.

— И что мы имеем?

— Причина смерти — перерезанное горло. Рассечена сонная артерия. Коленные чашечки разбиты, и, похоже, несколько ребер сломано. Кто-то здорово над ним поработал.

— Как насчет времени смерти?

Уорд задумчиво уставился на волны, плескавшиеся у головы мертвеца.

— Трудно сказать. Думаю, его сбросили в реку где-то после полуночи. Точнее скажу, когда мы доставим тело в морг.

Гринберг снова оглядел труп. Серый пиджак, темно-синие брюки, светло-голубой галстук, на левой руке — дорогие часы. Гринберг встал на колени и принялся обыскивать карманы жертвы. Пальцы наткнулись на острый угол сложенной вдвое бумажки. Он вытащил ее, стараясь держать за край.

— Написано на итальянском. — Он осмотрелся. — Джанелли!

— Да, сэр! — откликнулся один из полицейских. — Иду, сэр!

Гринберг протянул ему записку:

— Можешь перевести это?

— «Последний шанс, — медленно прочитал Джанелли. — Жди меня у семнадцатого пирса с остальной дурью — или будешь кормить рыб».

Он отдал записку Гринбергу. Роберт Прегитцер удивленно качнул головой:

— Мафиозные разборки? В таком случае с чего это они бросили его тут, на открытом месте?

— Хороший вопрос, — кивнул Гринберг, продолжая рыться в карманах трупа. Обнаруженный бумажник оказался набит банкнотами.

— Во всяком случае, охотились они не за его деньгами. А вот и карточка. Убитого звали Ричардом Стивенсом.

— Ричард Стивенс? — пробормотал Прегитцер. — Постойте, это не о нем что-то было в газетах?

— О его жене, — поправил Гринберг, — о Дайане Стивенс. Она дает показания в суде по делу об убийстве. Ответчик — Тони Алтьери, неужели не помнишь?

— Ну как же, — оживился Прегитцер. — Она посмела давать показания против крестного отца.

И оба вновь повернулись к телу Ричарда Стивенса.

Глава 1

В деловой части Манхэттена в зале заседаний номер тридцать семь суда по уголовным делам на Сентр-стрит, дом сто восемьдесят, шли очередные слушания по делу Энтони (Тони) Алтьери. Большое, просторное помещение было набито до отказа представителями прессы и просто любопытными.

На скамье подсудимых, в инвалидном кресле, скорчившись, сидел Энтони Алтьери, походивший на бледную жирную жабу. На одутловатом лице, казалось, жили только глаза, и каждый раз, когда их взгляд устремлялся на Дайану Стивенс, сидевшую на местах для свидетелей, она поеживалась, ощущая силу его ненависти.

Рядом с Алтьери сидел Джейк Рубинштейн, защитник. Рубинштейн славился хорошо известной в узких кругах клиентурой, состоявшей в основном из членов различных мафиозных кланов, и огромным количеством оправдательных приговоров, вынесенных в результате его усилий этим самым членам различных мафиозных кланов.

Смутный коротышка с острым логическим умом и живым воображением, Рубинштейн старался каждый раз обставить свое выступление в суде как занимательный спектакль. Бесконечные выходки в зале суда, можно сказать, были его «торговой маркой», и он каждый раз с блеском исполнял свою роль,